

Е. И. ХОЛОСТОВА

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ

учебник

Учебные издания для бакалавров

Евдокия Холостова

**История социальной
работы в России**

«Дашков и К»

2012

УДК 364.2
ББК 65.27

Холостова Е. И.

История социальной работы в России / Е. И. Холостова —
«Дашков и К», 2012 — (Учебные издания для бакалавров)

ISBN 978-5-394-01952-4

Учебник посвящен основным этапам возникновения и развития различных форм социальной помощи в России с древнейших времен до современности. Освещаются становление и особенности системы государственного призрения, общественной и частной благотворительности, социального обеспечения в советский период и социальной работы в современной России. Разделы учебника снабжены списком дополнительной литературы по темам и вопросами для самоконтроля. Для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению подготовки “Социальная работа”, преподавателей, а также практических социальных работников.

УДК 364.2

ББК 65.27

ISBN 978-5-394-01952-4

© Холостова Е. И., 2012

© Дашков и К, 2012

Содержание

Введение	6
1	8
2	15
3. Церковно-государственная помощь в XIV в. – первой половине XVII в	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Евдокия Ивановна Холостова

История социальной работы в России

© Холостова Е. И., 2012

© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2012

Введение

История социальной работы в России – довольно новая тема в российском историческом познании. Ее исследование началось в начале XIX столетия. Именно этот период такие известные историки, как Н. Карамзин и В. Ключевский, С. Соловьев и другие, используют для анализа понятий “милосердие”, “благотворительность”, “помощь”, “взаимопомощь”.

В светских и конфессиональных подходах уже к концу XIX в. христианская благотворительность и общественное призрение существуют как две самостоятельных парадигмы. В начале XX в. они рассматриваются уже в единстве как общественная помощь, а государственное призрение и частная благотворительность – как составные части единого социально-исторического процесса.

Аккумулируя опыт предшествующих поколений, создавая объективный образ прошлого, история обеспечивает живую связь времен, содействует использованию исторической практики в качестве исходного момента всякого политического и социального действия в настоящем. На основе накопленных в минувшие эпохи традиций и навыков история помогает современному поколению людей не повторять допущенных ранее ошибок и находить оптимальные решения сегодняшних социальных проблем.

В настоящее время закономерно усиливается интерес к отечественной истории, возрастает значение исторических знаний. При внимательном взгляде на окружающую действительность мы убеждаемся, что современные общественные отношения органически связаны с историческим прошлым. Если рассматривать социальные явления в процессе их развития, в них всегда окажутся остатки минувшего, выражающие сущность качества настоящего и зачатки будущего.

Эти объективные обстоятельства являются важным основанием для исторического изучения событий и процессов.

Идущий в настоящее время процесс реформирования российского общества делает исторические знания и исторический опыт исключительно актуальными, поскольку они составляют важное условие успешных социальных преобразований в стране.

В связи с этим представляют интерес замечания видного русского историка В.О. Ключевского о значении бережного отношения к историческому опыту. По его заключению, пренебрежительное отношение к опыту истории лишает руководителей государства правильной ориентации в современных социально-экономических условиях, не позволяет выработать научную политическую стратегию и неизбежно ведет к крупным ошибкам в социальном управлении.

Учебный курс “История социальной работы” является частью профессиональной подготовки социальных работников. В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению “Социальная работа” (квалификация “бакалавр”) от 8 декабря 2002 г. указывается, что обучающиеся должны знать историю социальной работы, владеть навыками сравнительного анализа общего и специфического в развитии социальной работы на разных этапах истории России и зарубежных стран.

В предлагаемом читателю учебнике использованы исследования по изучению русского наследия минувших эпох в области социальной помощи и социальной защиты нуждавшихся категорий населения. В нем предполагается представить в обобщенном виде большую группу наиболее важных элементов исторического опыта социальной работы, проводившейся государственными органами, церковными учреждениями, благотворительными ассоциациями, частными лицами, самоуправляющимися объединениями в лице земских институтов, городских обществ, крестьянских общин и др.

Сильное влияние таких факторов, как географический, геополитический, религиозный, условия материального производства, социальная организация и др., обусловили следующие особенности русской истории: способность русского народа к крайнему напряжению сил в течение длительного времени; возникновение устойчивой формы общинного уравнительного сожительства как условие выживания основной массы населения; характерное для русских людей чувство доброты, составлявшее важное качество их духовного строя, готовность оказания помощи нуждающимся, что подтверждено многовековой практикой крестьянских “помочей”; национальная терпимость русского народа в условиях полиэтничности страны; ускорение консолидации русской народности с принятием христианства и обретение ею благодаря этой религии мощного духовного начала с сильной традицией коллективного устремления к лучшему будущему; утверждение общины в качестве первичной хозяйственно-социальной ячейки вместо частнособственнических образований западноевропейского типа; роль государства как основы или даже творца общества, нераздельность государства, общности и личности, присвоение корпорацией аристократической и бюрократической элиты функции “столпа” государственности и др. Эти особенности русской истории не могли не оказывать соответствующего влияния на характер возникновения и формирование системы социальной работы в России, основные этапы ее развития, формы и методы социально-защитной деятельности среди различных категорий нуждавшихся, место и взаимоотношения государственного, общественного и частного призрения.

Таким образом, к основным этапам развития помощи и взаимопомощи в России следует отнести следующие периоды:

1. Родоплеменные и общинные формы помощи и взаимопомощи славян до Хв.
2. Княжеская и церковно-монастырская поддержка с X по XIII в.
3. Церковно-государственная помощь с XIV по вторую половину XVII в.
4. Государственное призрение со второй половины XVII по вторую половину XIX в.
5. Общественное и частное призрение с конца XIX до начала XX в.
6. Государственное обеспечение с 1917 по 1991 г.
7. Социальная работа с начала 1990-х гг. по настоящее время.

Данная периодизация позволяет концептуально рассмотреть схему исторического процесса становления и развития социальной работы в России.

1

Социальная помощь в древнейших славянских общинах

Гуманистические национальные традиции славян складывались под влиянием многих факторов, среди которых были их условия жизни и быта.

Для восточных славянских племен характерной особенностью быта являлось прежде всего то, что они вели родовой образ жизни, при котором "... каждый жил со своим родом, отдельно, на своих местах, каждый владел своим родом"¹. Для наших современников, как справедливо замечал выдающийся знаток русской истории С. М. Соловьев, во многом потеряно значение рода. У нас остались лишь в обращении производные от него слова – родня, родство, родственники да ограниченное понятие семьи. Но предки наши на той, начальной, стадии общественного развития не знали семьи, они знали род, который означал для них всю совокупность степеней родства, как самых близких, так и самых отдаленных. Более того, род означал и совокупность родственников, и каждого из них в отдельности.

Предки наши, подчеркнул С. М. Соловьев, не понимали никакой внеродовой общественной связи и поэтому употребляли слово "род" и в смысле соотечественника, и в смысле народа². При самых противоречивых взглядах на родовой быт, характеризующих его как господство идиллических родственных взаимосвязей или же предполагающих суровость отношений между отцом и детьми, между родоначальником и родичами, несомненным остается то, что родовой быт и родовые отношения, сущность которых в каждом конкретном случае обуславливались жизнедеятельностью людей, основными видами их занятий, оказывали весомое влияние на утверждение нравственных норм, народных традиций и обычаев, закладывали своеобразный фундамент особенностей национального характера.

Многими археологическими исследованиями установлено, например, что еще с конца I тысячелетия до н. э. у племен, населяющих районы Припяти и Среднего Приднепровья, т. е. у предков восточных славян – носителей так называемой зарубинецкой культуры, основными занятиями уже были земледелие, скотоводство, ремесленничество. Такой тип мирных занятий постепенно формировал и особый характер взаимоотношений между людьми, нравственные нормы поведения индивидов. Противоположное влияние на этот процесс можно проследить, сопоставив внутриродовые отношения у племен восточных славян с отношениями, бытовавшими, например, у древних германских и других народов, ведущих в те далекие времена преимущественно воинственный образ жизни, у которых в связи с этим господствующим был культ физической силы. По свидетельству С. М. Соловьева, это существенное обстоятельство предопределяло и отношение соплеменников к существам слабым, несчастным. Так, по бытовавшим у этих племен понятиям, отнять жизнь у таких людей считалось подвигом сострадания. Именно поэтому у германцев и литовцев существовала обязанность детей убивать своих престарелых и немощных родителей. "Эти обычаи, – отмечает С. М. Соловьев, – имели место у племен воинственных, которые не терпели среди себя людей лишних, слабых, увечных, не могших оказать помощь на войне, защитить родичей, мстить за их обиды; у племен, живших в стране скудной, стремление предохранить от голодной смерти взрослых заставляло жертвовать младенцами"³.

---

¹ Соловьев С. М. Соч. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1–2. – М., 1988. – С. 90.

² Там же. – С. 90.

³ Соловьев С. М. Соч. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1–2. – М., 1988. – С. 91.

Однако у народа относительно более мирного, занимающегося земледелием, живущего в стране обильной, с щедрыми природно-климатическими условиями, такие обычаи не наблюдались. Не встречаются они и в описаниях различными авторами жизни и быта восточных славян. Не находит их наш древний летописец Нестор даже у славян померанских, несмотря на то, что они по своему воинственному характеру и по соседству с германскими и литовскими племенами были более близки к ним. Но даже у этих славян, подчеркивает историк, отношение к престарелым родителям и родственникам было совершенно иным, чем у германцев и литовцев.

Как видим, преимущественное занятие земледелием и скотоводством, свойственное восточным славянам еще на ранней стадии своего развития, имело большое значение для зарождения у них таких черт народного характера, как уравновешенность, незлобивость, отражающих простоту их быта, нравов и обычаев. Об этом говорят и письменные свидетельства западных путешественников древности, побывавших среди славянских племен. Славяне, как отмечает С. М. Соловьев, своею нравственностью производили на них выгодное впечатление, многие из путешественников обращали внимание на то, что между славянами очень редко попадаются злые и лукавые. Все они единогласно превозносили гостеприимство славян, их ласковость к иностранцам, которых усердно провожали из одного места в другое.

Конечно, гостеприимство не являлось исключительной чертой лишь славян, оно свойственно и другим народам. У греков, например, замечает С. М. Соловьев, нарушение долга гостеприимства расценивалось как оскорбление высшего божества – Зевса. И все же у славян было свое особое отношение к гостеприимству, основанное на сострадательности к странствующим и путникам вообще, подвергавшим себя неизбежным дорожным трудностям и подстерегающим их при этом опасностям. Эта сострадательность обуславливалась тем, что славяне, более других народов подвергавшиеся враждебным столкновениям и со своими, и с чужими, нападениям и изгнанию, острее ощущали всю тяжесть невзгод, переносимых другими, и испытывали внутреннюю потребность облегчить их, смягчить своим вниманием и заботой о госте, откуда бы он ни пришел.

Древние путешественники, по свидетельству С. М. Соловьева, отмечали и такую характерную для того времени особенность нравов славян, как их хорошее обхождение с пленниками, которые у славян не рабствовали до конца жизни, как у других народов, а по истечении определенного срока были вольны или возвратиться к своим, давши откуп, или остаться жить между славянами в качестве друзей и вольных людей⁴. Это отношение к пленным в период человеческой истории, когда из-за захвата пленников нередко происходили войны с целью превращения их в рабов или продажи на невольничьих рынках в других странах, раскрывает такую черту славянского народного характера, как миролюбие. Ее формирование происходило под существенным влиянием их быта и основных занятий, среди которых все большее и большее место занимали такие мирные дела, как хлебопашество и скотоводство, а также длительное время (по сравнению с народами Западной Европы) бытовавший родовой тип общественного устройства. “У народа, в простоте родового быта живущего, – отмечает С. М. Соловьев, – раб не имеет слишком большого различия от члена семьи, он бывает также младшим членом ее, малым, юным, степень его повиновения и обязанностей к главе семьи одинакова со степенью повиновения и обязанностей младших членов к родоначальнику”⁵.

Однако формирование этих черт народного характера (человеколюбие, незлобивость, открытость души) у восточных славян шло не только под влиянием основных видов их деятельности (хлебопашество, скотоводство, ремесленничество) и затянувшегося дольше, чем у других народов, родового общественного устройства, но и среды обитания, тех географических и природно-климатических условий, в которых они находились вследствие естественно-исто-

---

⁴ Соловьев С. М. Указ. соч. – С. 97.

⁵ Там же. – С. 98.

рических процессов передвижения и расселения народов. Значение этих факторов отмечается большинством исследователей древнейшей истории России. Так, В. О. Ключевский, уделивший этому вопросу большое внимание в своем фундаментальном труде “Курс русской истории”, считал несомненным то, что человек поминутно и перемененно то приспосабливается к окружающей его природе, к ее естественным силам и воздействиям на него, то приспосабливает эти силы к самому себе, к своим потребностям, от которых он не может или не хочет отказаться, и в ходе этой непрерывной “двусторонней борьбы с самим собой и с природой вырабатывает свою сообразительность и свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления, а частично и свое отношение к другим людям”⁶. Внешняя природа, считал В. О. Ключевский, нигде и никогда не действует на все человечество одинаково. Неравномерность этого воздействия сказывается на местных особенностях людей, прежде всего бытовых и духовных, какие вырабатываются у них под очевидным влиянием окружающей природы. Взятые во всей своей совокупности, эти особенности и составляют народный темперамент.

Среди основных стихий природы, принявших своеобразное участие в устройстве жизни и формировании духовных понятий русского человека, следует обозначить прежде всего бескрайние степные и лесостепные просторы Восточно-Европейской равнины, на которых в последующем образовалось Русское государство; обилие могучих и спокойных по своему течению рек, сравнительно умеренный климат, открытый выход к Черному морю. При этом историк обращает внимание на характер освоения нашими далекими предками обширной равнины. Особенность его состояла в том, что восточная ветвь славянства, разросшаяся потом в русский народ, распространялась по свободной территории равнины “не постепенно путем нарождения, не **расселяясь**, а **переселяясь** . . . , покидая насиженные места и садясь на новые”⁷.

Такая возможность беспрепятственного переселения на новые места не могла не отразиться на характере наших предков. Обширность и обилие удобных для жизнедеятельности свободных территорий позволяли соплеменникам или родичам при назревании внутривидового или внутривидового недовольства уходить на новое местожительство, т. е. из-за земли и иных угодий не нужно было ссориться, их хватало всем. Конечно, это ослабляло или вовсе снимало возможные конфликты, закрепляло в характере людей добродушие, незлобность, развивало predisposition к миролюбию и доброте.

В результате такого свободного расселения люди всякий раз попадали в новые условия жизнедеятельности, при которых завязывались и новые отношения с окружающим их миром, отражающие специфику этих мест, определявших в значительной мере своеобразие развития народной жизни, ее особый склад и характер. Было ли это, например, степное раздолье, воспетое русским народом в своих неповторимых по задушевности и напевности песнях, зародившее и воспитавшее в его душе чувство шири и дали, открытость, доброжелательность; или бескрайние лесные массивы, богатые всяческой дичью и оказывающие русскому человеку, как отмечает В. О. Ключевский, самые разнообразные услуги – хозяйственные, политические и даже нравственные. Лес обустроивал его сосной и дубом, отапливал березой и осиной, освещал его избу березовой лучиной, обувал его лыковыми лаптями⁸.

Вместе с тем влияние леса на древнерусского человека было противоречивым. С одной стороны, он служил ему самым надежным убежищем от внешних врагов, а с другой – пугал своей особой тишиной и дремучестью, в которой чудилось что-то таинственное и даже злое. Это не могло не породить самые невероятные воображения, вследствие чего наши предки “наполнили” лес всевозможными страхами – это темное царство одноглазого лешего,

---

⁶ Ключевский В. О. Соч. В 9 т. Т. 1: Курс русской истории. – М., 1987. Ч. 1. – С. 78–79.

⁷ Ключевский В. О. Указ. соч. – С. 49–50.

⁸ Там же. – С. 83.

злого духа, который не прочь поозорничать, подурачиться над попавшим в его владения путником. В этом нам открывается еще одна грань характера древнерусского человека – его податливость влиянию внешних обстоятельств, предрасположенность к суеверным представлениям о добре и зле.

Своеобразное влияние на восточных славян, на формирование их нравственности оказывали великие русские реки. Древнерусский человек, по свидетельству историка, на реке оживал и жил с нею душа в душу. Он любил реку и поэтому ни о какой другой стихии своей страны не говорил в песнях таких ласковых слов – матушка, батюшка. И было за что. Раскрывая значение реки в жизни древних русичей, В. О. Ключевский пишет, например, что при переселениях река указывала им путь, они селились по ее берегам, в продолжении значительной части года река и поила их, и кормила. Река в известной степени была для россиян своего рода воспитательницей чувства порядка и общественного духа в народе. Она приучала людей к общительности, учила чувствовать себя членом общества, знать обхождение с чужими людьми, которые, используя реку как транспортный путь, останавливались у прибрежных поселений⁹.

Таким образом, рассмотренные нами природно-бытовые факторы и условия, взятые во всей своей совокупности применительно к исследуемому периоду русской истории, позволяют сделать общий вывод о том, что их прямое или опосредованное влияние на формирование гуманистических начал в характере и обычаях древних русичей было одним из решающих.

С зарождением Киевской Руси происходит упрочение внутригосударственных и хозяйственных связей, развивается культура, формируется зарубежный рынок. Все это в конечном счете ведет к распространению и закреплению бытовавших уже народных традиций и обычаев, определенных норм морали, отражающих в своей совокупности духовную жизнь славян.

Формирование славянской духовности, развитие культуры, в значительной степени определяющей характер и содержание взаимоотношений между людьми, проходили также под влиянием деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия, создавших в 863 г. славянский алфавит (глаголицу), а вскоре на его основе и единый книжно-письменный славянский язык. Этот язык охватил значительную часть славянских народов и пустил прочные корни на почве восточного славянства – в Киевской Руси. Он явился одной из важнейших предпосылок становления и развития самобытной славянской цивилизации, той особой духовности россиян, отличающейся предрасположенностью к добру и справедливости, сострадательности.

Глубокие корни в формировании обычаев и традиций были заложены в связи с принятием Киевской Русью христианства. Молодое Русское государство с европейским народом избрало византийскую православную религию не только потому, что у него с Византией были давние торгово-экономические отношения и связи, но главным образом потому, что православное христианство было более созвучным характеру и нравам древнерусского народа с его природной духовностью и открытостью. Но даже при этом освоение христианской религией, в ее византийском толковании, славянской души потребовало от нее определенной модернизации своих канонов, приспособления к уже сложившимся у славян, обитающих в Приднепровье и северо-восточных просторах Восточно-Европейской равнины, собственным представлениям о добре и зле, о богах-покровителях и других фетишах¹⁰.

Православная христианская церковь сравнительно быстро распространила свое влияние на Киевскую Русь. Этому в немалой степени способствовало ее учение о спасении души, человеколюбии, духовности, близкое по своей сути самобытным представлениям и нравам русских людей, создавших свой тип цивилизации. В представлении русской цивилизации, как отмечает О. Платонов, духовность – не умозрительное мудрствование, а прежде всего нравственное чувство высшей справедливости: жить по душе, достойно, не гнаться за богатством, за нажи-

---

⁹ Ключевский В. О. Указ. соч. – С. 85–86.

¹⁰ Никольский Н. М. История русской церкви. – М., 1983. – С. 24–25.

вой, испытывая жадность к деньгам, к вещам. “Самое большое место в народном сознании, – пишет он, – занимали представления о душе, стыде, совести, грехе, доброте, справедливости, правде”¹¹. Это положение подтверждается и заслуживающими внимания ссылками на огромное количество дошедших до нас и сохранившихся в русском языке пословиц и поговорок на эту тему – своеобразный кодекс народной мудрости и нравственности, служивший нашим предкам идеалом в жизни, например: “Душа душу знает”, “Душа с душой беседует, а сердцу весть подает”, “Живем душа в душу”, “Поговорить по душам” и др.

Все это вместе взятое явилось объективной предпосылкой закрепления христианства на Руси, сыгравшего положительную роль в историческом процессе славянских народов нашей Родины, в том числе и в развитии благотворительности в России.

Заповедь Христа “просящему дай” практически означала: накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице, призреть малое дитя. По единогласному заключению исследователей благотворительность становится необходимым условием нравственного здоровья.

Формы помощи в славянских общинах складывались под влиянием языческого мифологического сознания древнейших славян, сохранения общинной системы землевладения, пережитков в семейно-бытовой сфере и т. д.

Выделяются следующие основные формы защиты и поддержки в древнейших славянских обществах:

- культовые формы поддержки с различными сакральными атрибутами;
- общественно-родовые формы помощи и защиты в рамках рода, семьи, населения;
- хозяйственные формы помощи и взаимопомощи¹².

В качестве примера культовых форм поддержки приведем пример поклонения древних славян кругу (колесу). Он прежде всего выполнял функцию оберега от злых духов, был символом определенной целостности, стабильности и основательности¹³.

Человек как бы не ощущал себя обособленным существом, он был неким единством, заключавшим в себе космическое пространство, одновременно являясь его продолжением. В то же время он не противопоставлял себя космосу, природе, а включал себя, растворялся в них, становясь таким же целым, как и они.

Эта “целостность-принадлежность” достигалась общинным существованием, обрядовой и трудовой деятельностью, которые органично вплетались в контекст природы и космоса¹⁴.

Существенной особенностью являлось и то, что древние славяне связывали помощь с различными мифами, например с оберегами. Они наделяли сакральными свойствами различные предметы и растения (предметы костюма, домашней утвари, березу, дуб, осину), проводили родовые обряды почитания предков, обожествляя их. По представлениям древних, человек переселялся в другой мир, оставляя за собой свои привязанности, привычки, потребности. Поэтому не случайно рядом с умершими в могилу клали необходимые предметы быта, утварь и даже животных. В честь умерших устраивались тризны, погребальные состязания, игрища, трапезы. Считалось, что покойник невидимо присутствует и принимает участие во всеобщем действии.

Особое место в сакрализации процесса помощи отводилось культу героя. Показательны в этом отношении княжеские пиры, на которые собирались дружинники. В княжеских пирах

---

¹¹ Платонов О. А. Святая Русь // Россияне. – 1992. – № 12. – С. 57–63.

¹² Фирсов М. В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика. – М., 1996. – С. 73–92.

¹³ Каганов Е. Р. Религия древних славян. – М., 1918. – С. 9.

¹⁴ Фирсов М. В. Указ. соч. – С. 75–76.

“среди медопития складывались высокие христианские добродетели: милость, нищелюбие и страннолюбие”¹⁵.

Легенды и сказания славян о княжеских пирах свидетельствуют о том, что непременно участниками трапезы были калики и нищие странники, получавшие богатую милостыню.

Среди общинно-родовых форм помощи и поддержки особое место отводилось круговой поруке – “верви”. Вервь был не только формой гражданского права, но и системой взаимоподдержки общинников. Тем самым уже в этот период времени закладывалась традиция заботы о слабых, менее защищенных.

Так, в этнографических материалах мы находим примеры поддержки стариков. Если семья не помогала пожилому человеку, то заботу о стариках брала на себя община. Для них отводился по специальному решению общества отрезок земли, где они работали. Если же пожилые люди окончательно “впадали в дряхлость”, они призывались общиной.

Старика определяли на постой (питание, проживание) на несколько дней, затем он “менял” своих кормильцев. Такой вид помощи стал своеобразной общественной повинностью.

Не менее интересные подходы к поддержке сложились в отношении детей-сирот. Проводилось усыновление детей внутри родовой общины, так называемое приемчество. “Приймать” в семью сироту, как правило, могли люди позднего возраста, когда им становилось трудно справляться с хозяйством или когда у них не было наследников. Принятый в семью должен был почитать своих новых родителей, вести хозяйство и т. д.

Другой формой поддержки сироты была общинная, мирская помощь. Она по своему характеру совпадала с помощью “немогущим старикам”, когда ребенок переходил из дома в дом на кормление.

Сироте могли назначать “общественных” родителей, которые брали их на свой прокорм. Но если сирота имел хозяйство, община противодействовала усыновлению. Такие сироты назывались “выхованцами”, “годованцами”¹⁶.

Зарождаются и формы помощи вдовам. Нуждающимся вдовам оказывали помощь продуктами. Это происходило, как правило, после уборки урожая. Сельская община предоставляла им также землю, на них распространялись такие же формы мирского призрения, как и на стариков.

В основе хозяйственной взаимопомощи и взаимоподдержки лежала всевозможная взаимовыручка. Так называемые помочи оказывались людям в самых различных ситуациях: при пожаре, наводнении, других экстремальных ситуациях. Особой формой поддержки были “наряды миром”, они проводились в семье, если взрослые ее члены были больны. Соседи приходили, чтобы растопить печь, накормить скот, ухаживать за детьми. Обязательными помочи были при постройке дома, уборке урожая. При коллективных помочах происходило разделение труда, где различные виды работ выполняли различные группы. Мужики, например, пахали, женщины боронили, старики сеяли.

Одной из активных форм помощи были толоки. Они включали в себя не только совместную обработку земли, но и различные виды перевозок: сена, урожая зерна. Своеобразной была и форма складчины, когда несколько семей объединялись, чтобы совместно заготавливать корма для скота. Совместно использовался и рабочий скот: обработка земли осуществлялась наемными волами.

Таким образом, в древнейший период славянской истории зарождаются интересные формы помощи и поддержки. Они носят не только внутривидовой характер, но и выходят за ее пределы, становятся основой для христианской модели помощи и поддержки нуждающимся.

---

¹⁵ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. – СПб., 1914. – С. 178–179.

¹⁶ Дашкевич П. М. Гражданский обычай приемчества у крестьян Киевской губернии // Юридический вестник. – 1887. – № 6.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Назовите факторы, позволяющие нам говорить о наличии древнейших форм помощи и самопомощи.
2. Покажите основные формы родовой модели помощи.
3. Охарактеризуйте быт восточных славян и его влияние на зарождение гуманистических взаимоотношений между людьми.
4. Какие виды помощи и взаимопомощи оказывались пожилым людям в общинах древнейших славян?
5. Дайте характеристику хозяйственным формам взаимопомощи.

2

Основные тенденции благотворительности в древнерусском государстве (X–XIII вв.)

Начало благотворительности в России, как и в других странах, относят к языческим временам, когда отдельные люди и различные их группы были вынуждены кормить и одевать своих сирых и убогих. Эта помощь носила примитивные формы, не была организованной и регулярной. С появлением государства поначалу мало что изменилось. В основе благотворительности по-прежнему лежали субъективные чувства: сострадание, родственный или соседский долг и т. п. Значительное развитие эта деятельность получила после крещения Руси, приобретя вид нищелюбия. Благотворительность считалась нуждой не столько для благотворимых, сколько для благотворящих – для их нравственного здоровья, для поднятия уровня их нравственного совершенствования и как средство для обеспечения хорошего будущего в загробной жизни”.

Благотворительность, или филантропия (от греч. *philanthropia* – человеколюбие), – понятие, означающее оказание помощи как отдельным лицам, так и организациям: сострадание, сердечное участие в жизни больных, немощных, нуждающихся; материальное или иное поощрение общественно значимых форм деятельности (защита окружающей среды, охрана памятников культуры, развитие образования, здравоохранения, спорта). Желание помочь ближнему возникает вместе со становлением общества. Потребность объединить усилия людей в борьбе с природой для получения пищи, при сооружении жилища – эти и многие другие факторы человеческого общежития неизбежно порождали сочувствие друг к другу, взаимную поддержку. Поэтому вся история человечества неотделима от благотворительности. Однако ее содержание, материальные и духовные факторы, возможности и главные направления менялись и меняются в зависимости от конкретных условий.

Благотворительность всегда и у всех народов – продукт своей эпохи, определенных исторических условий. Они и определяют масштабы благотворительности, ее материальные возможности, формы, методы и главные направления. В истории человечества благотворительность в той или иной форме присутствовала всегда.

Начиная с X в. на Руси разрушаются родоплеменные отношения. Создавшаяся культурно-историческая ситуация потребовала иных форм поддержки и защиты. Основные тенденции помощи в этот период времени были связаны с княжеской защитой и попечительством, которые в своем развитии претерпевают как бы два этапа своего становления.

Первый связан с распространением христианства в Киевской Руси, который условно обозначается с периода крещения Владимира I до второй половины XII в. – образования удельных княжеств и распространения христианства на окраинах восточнославянских земель.

И второй период – со второй половины XII по XIII в. включительно, когда благотворительные функции князя постепенно сливаются с монастырско-церковными формами призрения¹⁷.

Как отмечает Е. Максимов, простейшие виды благотворительности заключались первоначально почти исключительно в кормлении нищих¹⁸.

Практиковались они, как свидетельствуют летописи, отдельными “нищелюбцами”, из среды которых особенно выделялись князья, духовенство и лучшие люди земли. Все они, находясь под свежим и здоровым влиянием только что воспринятого христианского вероучения, охотно поучались великим религиозным заповедям, главнейшие из которых повелевали

---

¹⁷ Фирсов М. В. Указ. соч. – С. 98–103.

¹⁸ Максимов Е. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. – СПб., 1894.

любить Бога и любить ближнего, как самого себя. Исходя из таких побуждений и выражаясь в жизни в таких формах, благотворительность была, по единогласному утверждению исследователей, не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему. Древний русский благотворитель, “христоролюбец”, скорее помышлял о том, чтобы повысить собственный духовный статус, чем о том, чтобы поднять уровень общественного благосостояния. Нищий был для благотворителя лучший богомолец, молитвенный ходатай, душевный благодетель.

“В рай входят святой милостыней, – говаривали в старину, – нищий богатым питается, а богатый нищего молитвою спасается”. При таком воззрении на благотворительность помощь бедным была делом отдельных лиц, проникнутых идеями христианской нравственности, а не включалась в круг государственных обязанностей. Так относились к ней и князья, из которых многие восхвалялись летописцами за их нищелюбие. Св. Владимир, как известно, позволял “всякому нищему и убогому” приходиться на княжеский двор, чтобы кормиться, а для больных, которые сами не могли приходиться, отправлял повозки, нагруженные хлебом, мясом, рыбою, овощами, медом и квасом. По свидетельству Иакова Мниха, это делалось не в одном Киеве, но и по все Земле русской. Есть указания, что тот же Св. Владимир, празднуя в Васильеве (ныне Васильков Киевской губернии) устранение грозившей ему от печенегов опасности, раздал бедным много хлеба, меду и триста гривен серебра из своей казны. Некоторые писатели утверждают, что при этом же князе были учреждены первые на Руси больницы. Хотя прямого подтверждения этому в памятниках древней письменности и не встречается, тем не менее известно, что больные во время его княжения получали не только призрение, но и, по-видимому, врачебную помощь.

Кроме Св. Владимира история указывает еще на целый ряд других христоролюбивых и нищелюбивых князей. Из числа их особенно отмечают великого князя Ярослава Владимировича и брата его Мстислава, князя Тмутараканского. При Ярославе было открыто первое в Новгороде училище на триста юношей;

во второй половине XI в. широкую помощь бедным оказывали великие князья Изяслав Ярославович и Всеволод Ярославович, а также князья Тмутараканские Ростислав и Глеб. Но больше других, после Св. Владимира, нищелюбием прославился Владимир Мономах, который, по свидетельству современников, раздавал деньги и предметы первой необходимости обеими руками. Несомненным памятником нищелюбства Владимира Мономаха служит его завещание, в котором он говорит своим детям: “Всего ж паче убогих не забывайте, по сколько вам возможно по силе своей кормите”. Сестра его, Анна Всеволодовна, основала в Киеве училище для девиц, которых не только содержала за свой счет, но и учила их читать, писать и ремеслам.

Из преемников Мономаха на почве благотворительности выдвигаются сын его Мстислав и затем – Ростислав, раздавший бедным все имущество дяди своего Вячеслава, полученное по наследству. Андрей Боголюбский по примеру Св. Владимира приказывал развозить по улицам и дорогам жизненные припасы и раздавать их бедным и заключенным в темницах. Всеволод Юрьевич (с 1177 по 1213 г.), после бывшего в 1185 г. во Владимире сильного пожара, оказал большую помощь горожанам при возобновлении ими построек и помог им в обзаведении хозяйством. Его примеру следовала и жена его великая княгиня Мария. Александр Ярославич Невский тратил значительные суммы на выкуп русских из татарского плена; Михаил Ярославич, замученный в Орде, наставляя сына своего, говорил: “Странных и нищих призирай, угодно бо есть сие Богу”. Иоанн Данилович был прозван Калитой за тот мешок, который он носил с собою, раздавая из него милостыню. Дмитрий Донской был так внимателен к бедным и страждущим, что кормил их из своих рук. Из удельных князей своим нищелюбием славился Николай Давыдович, построивший в первой половине XII столетия в Киеве больничный монастырь. Мстислав Ростиславович затрачивал значительные средства на выкуп пленных, а брат

его Роман все свои доходы тратил на помощь бедным и не оставил даже ничего на свое погребение. Владимир Василькович роздал бедным все свое имение, золото, серебро, драгоценные камни, утварь, украшения и скот. Княгиня Василиса (жена князя Андрея Константиновича), раздав все свое имущество, приняла иноческий сан и кормилась от своих рукоделий.

Во второй половине XII в. княжеская помощь и защита нуждающихся претерпевает изменения. Это обуславливается рядом причин: ростом монастырского и церковного призрения, увеличением татаро-монгольских набегов и данничества, а также тем, что князья становятся хозяевами-вотчинниками своего удела.

Удельное княжение вырабатывает свои виды помощи и поддержки, связанные с дальнейшим процессом принятия христианства, строительством городов, защитой мигрантов, охраной земель от набегов соседей.

Как пишут летописи о рязанском князе, “Великий князь Ингвар Игоревич, обнови землю Рязанскую и церкви постави и монастыри согради, и пришелци утеши, и люди многи собра...”¹⁹. Теперь можно наблюдать новые защитные функции князя, которые обусловлены адаптацией к новым условиям жизни людей. Такая деятельность характерна не только для рязанских князей.

А. Экземплярский, изучая жизнедеятельность великих и удельных князей Северной Руси в период нашествия татаро-монгольских племен, отмечает, что подобный вид поддержки в тот период распространен повсеместно. Так, в 1238 г. князь Ярослав Всеволодович, прибыв во Владимир, осуществил ряд мер по организации восстановления города. “Первою заботой князя было очищение стольного города от трупов, которыми наполнены были не только улицы, дворы и жилища, но и сами храмы;

нужно было собрать и ободрить разбежавшихся от татарского нашествия жителей”²⁰. Захоронение в братских могилах – скудельницах – это тоже функция и задача князя, и здесь наблюдается не только христианско-нравственный долг, традиция, обряд, но и меры против распространения различных моровых поветрий (непременные спутники всех массовых пандемических событий).

По мнению А. Преснякова, “князь – народная власть, а не внешний и случайный прида-ток волости. Он – необходимый орган древней государственности для удовлетворения насущных общественных потребностей населения – внешней защиты и внутреннего “наряда”²¹. Таковы были требования к нему населения земли – волости. Однако в тот период, когда русские княжества жили под властью Золотой Орды, выполнение этих требований практически было невозможно. Весь период характеризуется спадом княжеской охранной деятельности, и лишь отдельные князья находили новый способ действий по защите и поддержке земель – вотчин, а следовательно, и населения. К ним относятся князья Александр Ярославич, а позднее – Иван Калита, которые в качестве защиты и поддержки населения выбирают не средства войны, а средства дипломатии. Все это сказывалось на способе поддержки нуждающихся на данном этапе.

Исходя в своей благотворительности из нравственно-религиозных побуждений, князья склонны были ставить ее под покровительство церкви и поручать осуществление самого дела представителям религии, т. е. духовенству. Поэтому последнее шло во главе благотворительности. Особой щедростью в этом деле отличались иноки Киево-Печерского монастыря и между ними преподобные Антоний, Даминиан, Феодосий Печерский и др. Феодосий близ своего монастыря построил особый дом, в котором помещались нищие, калеки и прокаженные. Пер-

---

¹⁹ Иловайский Д. История Рязанского княжества. – М., 1858. – С. 135.

²⁰ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. – СПб., 1889. – Т. 1. – С. 15.

²¹ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. – М., 1993. – С. 405.

вые в государстве больницы, в которых бедные призревались и пользовались бесплатным лечением, были учреждены Переяславским епископом, впоследствии Киевским митрополитом, Ефремом в 1091 г. При всех монастырях, имевших средства, производилось кормление нищих и убогих, для которых устраивались иногда отдельные помещения.

Такая заботливость духовенства о благотворении помимо религиозных побуждений обусловливалась соответствующими церковными постановлениями. Так, уже в церковном уставе 996 г. упоминается об обязанностях духовенства по надзору за призрением бедных, причем на содержание церквей, монастырей, больниц, богаделен и на прием странных-неимущих была определена “десятина”, т. е. десятая часть поступлений от хлеба, скота, судебных пошлин и т. д. Подобные отчисления на церковь и благотворительность делали и частные лица – лучшие люди земли. Так как само духовенство было при этом свободно от различных платежей и сборов, а позже и от татарских даней и, следовательно, пользовалось относительным богатством и достатком, то в руках его находились весьма значительные средства на нужды неимущих.

Можно с уверенностью сказать, что никогда впоследствии, в течение всей остальной нашей истории, на дела благотворения не выделялось такой значительной части общих доходов, как в древнейший период княжеской власти. Этот век, по вниманию общества к делам благотворения и по жертвам на него, должен быть поставлен в тысячелетней жизни государства на первое место. Отличительной чертой благотворительности этого периода была “слепая” раздача милостыни, при которой какие-либо расследования о нищих, расспросы их и т. д. не только не производились, но прямо воспрещались учениями святых отцов. Св. Иоанн Златоуст говорит: “Ты не должен разузнавать бедных, что они за люди, потому что ты принимаешь их во имя Христа”.

Русский народ, следуя указанию “просящему – дай”, не считал себя вправе заниматься разбором нищенствующих и действительно слепо давал всем просящим. Больше всего, разумеется, раздавались жизненно необходимые продукты, так как денежное обращение в это время было еще очень слабо. Поэтому, несмотря на отсутствие всякого расследования нужды просящего, милостыня нередко помимо воли благотворителя достигала своей цели: голодный не имел надобности брать строительные материалы, а погорелец, не нуждавшийся в пище, не просил хлеба. Помощь поэтому была разнообразна и часто соответствовала действительной нужде. Она выражалась и в постройке жилища, и в выкупе пленных, и в обучении ремеслам. Больницы и богадельни появляются позже и реже, но и в них, по-видимому, никакого разбора нуждающихся не производилось; они тоже служили прежде всего для исполнения благотворителями евангельского учения “просящему – дай” и учреждались в религиозных целях. Такая форма общественной помощи ради собственного духовного совершенствования не преследовала целей общественного благоустройства, но она, несомненно, имела нравственно-воспитательное значение для тогдашнего общества, только что просвещенного светом христианского вероучения.

Великий князь киевский Владимир уставом 996 г. вменил в обязанность духовенству заниматься общественным призрением, определив десятину на содержание монастырей, богаделен и больниц. На протяжении многих веков церковь и монастыри оставались средоточием социальной помощи сирым, убогим, увечным и больным. Монастыри содержали богадельни, больницы, детские приюты.

В X–XIII вв. церковная практика помощи развивалась не только через монастыри, но и через приходы (так называемая приходская помощь). В отличие от монастырской приходская помощь была более открытой. В ней сосредоточивалась вся общинная, гражданская и церковная жизнь. Деятельность приходов не ограничивается только оказанием помощи калекам, увечным, нищим: они осуществляют самую разнообразную поддержку – от материальных вспомоществований до воспитания и перевоспитания. Приход также являлся территориаль-

ной, административной и податной единицей. Памятники древней письменности свидетельствуют о том, что почти в каждом из приходо-в церкви существовали богадельни.

К особо значимым формам приходской благотворительности можно отнести ссуды из церковной казны денег, хлеба, семян. Ссуды выдавались отдельным лицам, а также обществу, часто под залог имущества.

На Севере и в Сибири церковная казна играла роль народных благотворительных банков. Особо необходимо отметить значение приходо-в в насаждении грамотности и в защите слабых от сильных (особенно женщин от тиранов-мужей). Для детского призрения при богадельнях устраивались приюты для подкидышей и сирот.

Таким образом, по сути приходская благотворительность была не церковной, а гражданской, т. е. преследовала не только религиозные цели – спасение душ прихожан, но и цели социальной поддержки и помощи нуждающимся.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Назовите основные формы княжеской благотворительности на Руси.
2. Каково влияние христианства на развитие благотворительности в Древнерусском государстве?
3. В чем заключается особенность монастырско-церковных форм помощи?
4. Покажите, какие подходы в монастырской и приходской системах помощи проявляются в городской культуре Древней Руси.
5. Какое развитие получили идеи “милостыни” в памятниках древней литературы X–XIII вв?

3. Церковно-государственная помощь в XIV в. – первой половине XVII в

Помощь и поддержка в XIV в. – первой половине XVII в. значительно меняется. В этот период времени формируются три формы поддержки нуждающихся: монастырская система помощи, первые проявления государственной поддержки и благотворительность.

Монастырская система помощи представляет два основных этапа развития монастырей. Первый – *объединение земель вокруг монастырей в центральной части Руси* (XIV–XVI вв.), второй – *колонизация Севера* (XVI–XVII вв.).

Объединение земель вокруг монастырей происходит со второй половины XIV в., когда меняется характер монастырского управления, начинается переориентация жизнедеятельности монастырей, которые ставят перед собой прежде всего решение хозяйственных задач, превращая эти обители в самостоятельную феодальную вотчину. Во главе нового монастырского реформирования стояли Сергей Радонежский и митрополит Алексий.

На смену ктиторским монастырям, основанным князьями и епископами, приходят монастыри-вотчины. Ктиторские монастыри развивались на протяжении более двухсот лет. Они заложили основу “пансионной” системы поддержки не только для мужчин, но и для женщин. Институт вдов за это время получает юридическое признание и “учреждение” (что позволяло вдовам жить в достатке на протяжении целого ряда лет). Более того, многие русские княгини (или их мужья) специально строили монастыри для проведения оставшегося срока жизни в их стенах. Постриги стали неотъемлемой частью женского жизненного сценария.

Конечно же, ритуал пострига кроме своей литургической основы имел еще и хозяйственную, связанную с редиистрибуционными принципами мирской жизнедеятельности. За получение дара в виде личностной свободы, не связанной с вдовой судьбой, требовался отдар. В XVI в. он не ограничился только милостыней для нищих. Возможно, отдар приобрел форму обряда или даже системы законодательных соглашений. Во всяком случае на примере пострига княгини Василисы мы узнаем следующее. Она “раздает” свое имение “в казну, церквамъ, монастыремъ и нищим, а слуги и рабы, рабыни на свободу...”. В ее монастыре впоследствии еще при ее жизни приняли постриг “боярыни, жены и вдовицы и девицы”. Всего их в монастыре было 90 человек.

Характерным является тот факт, что средства от имения идут не только церкви, но и в казну, и в монастырскую обитель путь открыт для женщин всех сословий.

Помимо активной роли церкви в сакрализации жизненных процессов важны и функции защиты и поддержки вдов и сирот, т. е. функции, которые были привилегией княжеской власти. Так, известна поместная грамота архиепископа Леонида вдове Марфе Пешковой с детьми, муж которой погиб на “государьской службе” (в государском походе), в соответствии с которой семья обеспечивалась всесторонней помощью: обработка пашни, выплачивание денежного и хлебного оброка и другие виды помощи. Примечательна и грамота вдове Феодосье митрополита Киприана (1404 г.) на усыновление приемьша, *приймачка*, которому отдается: “...свой остаток весь своему дитяти Тимошке, да село Поретовское съ деревнями”.

Как известно, княжескую власть во многом подорвало монголо-татарское нашествие, и поэтому она стремилась в лице церкви найти себе союзника (как, впрочем, делали в Средние Века и на Западе многие короли). Вот почему патернализм в этот период в отношении церкви не мог распространяться дальше “благосклонного” в виде всевозможных вкладов, даров и освобождений от пошлин, что в конечном итоге приводило к дополнительному обогащению митрополичьих кафедр. Об этом свидетельствуют жалованные грамоты – например, великого князя Василия Васильевича Троицкому Сергееву монастырю на кинельские села, на помин

души своей матери, жалованная грамота великого князя Василия Ивановича Суздальскому Покровскому монастырю об освобождении от пошлин стариц и монастырских слуг. В жалованной грамоте Рязанского великого князя Иона Федоровича Солотчинскому монастырю не только отдается село, но и дозволено призывать людей на эти земли с освобождением их от дани и ям на три года.

Привлекательность монастырской защиты и поддержки для работного люда состояла еще и в том, что они имели более выгодные условия жизнедеятельности, находясь в составе монастырской вотчины. Крестьяне шли к монастырям, ибо они освобождались от пошлин и податей, от юрисдикции местных властей, от проезжающих через села княжеских чиновников, которым необходимо было давать подводы, лошадей и корма, проводников и т. д. Крестьяне находили в монастыре тихое пристанище, надежную защиту от политических и административных преследований и угнетений, безопасное убежище от различных неудач и бедствий, скорбей и лишений, не разлучных с жизнью почти каждого человека. Приход работного люда делает монастыри сильными и изобильными. Их богатство приумножали и частные вклады. Они различны – от церковной утвари и предметов культа до земельных. Вклады жертвовались с разными условиями: поминание вкладчиков после смерти, кормление от их имени нищих и т. д. Но существовали и особые земельные вклады, позволявшие вкладчику при жизни льготное проживание на территории монастыря (не принимать монашеского сана, не вести аскетический образ жизни). Такой проживающий имел статус бельца.

Помимо льгот для находившихся под патронажем монастыря имелись и четкие гарантии защиты от произвола посадника и тысяцкого, которые довольно часто нарушали установленные объемы пошлин и налогов. Для наглядности приведем жалобу “сирот” Терпилова погоста на посадника и тысяцкого, которые требовали “давати им поралья” по новым грамотам, а не “по старым грамотам, по сорок бель, да по четыре сева муки, по десяти хлебов”. Словом, льготные налоги для крестьян, умелое хозяйствование, всевозможные пожертвования делают монастыри-вотчины крупнейшими собственниками (так, Кириллов монастырь владел землями от Белого моря до Москвы).

Разумеется, на этом признание не заканчивалось. Монастыри-вотчины предоставляли посадскому человеку или крестьянину прибежище “на старости лет под монашеской рясой или в качестве бельца, живущего в тиши монастырской ограды”, играя роль своеобразных страховых учреждений не только по случаю смерти, но и по старости. Внесение вклада было обязательным условием, чтобы “иметь страховой полис”.

Со временем желающим попасть за монастырские стены предлагалось вносить все большие и большие суммы, т. е. монастыри становятся своеобразной системой “закрытого призре-ния”.

С возвышением Москвы меняется и статус Великого князя. После падения в 1454 г. Византии Москва становится правопреемницей столицы православия. Изменяется ее статус, изменяется и объем милостыни, которую посылают на Восток русские цари. Отправление милостыни на гору Афон – древнейшая традиция. Милостыня на Восток посылается и в 1371 г. с митрополитом Германом, и в 1376 г. с митрополитом Марко, и в 1398 г., когда турки стояли под Царьградом. Великий князь, митрополит, прочие русские князья “послаша серебро милостыню во Царьгород... С Москвы поехал с милостынею Родионь чернец Ослебя...”. С XV века подача милостыни на Афон становится прерогативой только русского царя. Поскольку не было возможности ни для военной, ни для политической поддержки, милостыня становилась единственным доступным средством оказывать “помощь и покровительство страждущим православным на Востоке”. Причем в этом акте просматривались как бы два уровня милостыни: личная и государственная. Царская личная милостыня составляла 2000 руб., государственная зависела от того, кто прибывал за помощью. Чем выше статус просителя, тем большая ему предоставлялась финансовая помощь. Размер “финансовой милостыни” мог колебаться от 600

до 4000 рублей, однако были подарки и большей стоимостью. Так, александрийскому патриарху выдали “из сибирского приказа мягкой рухлядью на 9000 рублей”.

Раздача милостыни на Восток братьям по вере продолжалась еще в течение двух столетий. К сожалению, существовавший тогда слабый контроль за раздачей милостыни не дает возможности выяснить ее точные объемы. Только при Анне Иоанновне на Святейший Синод была возложена обязанность составить точный список нуждающихся, и с этого времени процесс милостыни стал более упорядочен. Личная милостыня также претерпевает трансформацию и переходит в государственную систему “гуманитарной помощи”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.